

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160

УДК 3; 93/94; 82

УТОПИЯ И УТОПИЗМ: ИСТОРИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Грегори Клеес

Профессор, преподаватель истории и истории политической мысли Лондонского университета (Великобритания)

email: G.Claeys@rhul.ac.uk

Аннотация. В статье разграничиваются понятия «утопия» и «утопизм», уточняются широко используемые определения поджанров утопии (эвтопии, дистопии, а также критической утопии). Однако в статье доказывается невозможность общепринятого определения, так как термин «утопия» обладает таким набором потенциальных значений и подтекстов, что сводить его к какому-либо одному из них бессмысленно. Психология, социология, литература, политическая мысль и иные области гуманитарного знания видят в утопии свое подобие.

Кроме того, в статье обозреваются наиболее известные проявления утопизма (литературный жанр, идейные общины, социальная теория) и дается очерк истории западноевропейской утопии. Специфика изменений утопии во времени рассматривается как результат и одновременно отображение сдвигов парадигмы самовосприятия культуры.

В статье также приводятся основные полемические точки зрения на утопию и утопизм, способствовавшие усилению разногласий по поводу этих явлений в середине XX в. (в концепциях К. Маннгейма, К. Поппера, П. Тиллиха, Э. Блоха).

Ключевые слова: утопия, утопизм, эвтопия, дистопия, критическая утопия.

В самом общем смысле словом «утопизм» можно обозначить различные теории, представления, а также художественные воплощения неких альтернативных укладов общества, зачастую полностью отличных от существующего. Термин происходит от придуманного Томасом Мором слова «утопия», которым он назвал вымышленную страну, описанную им в книге “*Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova Insula Utopia*”¹. Книга была опубликована в 1516 г. и сегодня известна под коротким названием «Утопия». Это слово создано на основе греческого языка, но существовало и в латинском, где его составные части обозначали: *u* (или *ou*) – 'не', 'нет, и *topos* – 'топос', или место. Однако Томас Мор создавал слово «утопия» (“*utopia*”) как каламбур к уже существовавшему «эвтопия» (“*eutopia*”) – 'хорошее место'. Термин «дистопия» (“*dystopia*”), 'плохое место', появился в XVIII в., однако широко использоваться стал только в XX в., обозначая один из поджанров утопии. С тех пор было выделено несколько других разновидностей жанра.

Вопрос о разграничении поджанров утопии достаточно сложен. Сегодня широко используются жанровые дефиниции Л.Т. Сарджента, предложенные им еще в 1994 г.:

¹ «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия».

² Термин, вероятно, впервые был предложен Г.Л. Янгом в его работе “*Utopia: Or, Apollo’s Golden Days*” [Younge]. О ранних значениях термина см. [Budakov: 86–88].

«Утопизм – социальное мечтание.

Утопия – несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки. В общепринятом смысле слово «утопия» употребляется как в указанном значении, так и в качестве синонима эвтопии.

Эвтопия, или позитивная утопия, – несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки, которое современным автору читателем должно восприниматься как значительно более благополучное, чем то, в котором он на самом деле живет.

Дистопия², или негативная утопия, – несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки, которое современным автору читателем должно восприниматься как значительно менее благополучное, чем то, в котором он на самом деле живет» [Sargent: 9].

К приведенному списку можно добавить понятие критической утопии (*critical utopia*), которое было предложено Т. Мойланом в 1986 г. и также активно применяется:

«Критическая утопия – несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки, которое современным

автору читателем должно восприниматься как более благополучное, чем существующее, но сталкивающееся с трудностями и справляющееся или не справляющееся с ними. Такая утопия воплощает критический взгляд на жанр в целом»¹.

Указанные термины используются чаще всего, хотя некоторые исследователи дополняют список, выделяя иные поджанры утопии (например, критическую дистопию), однако общеупотребительными подобные терминологические дополнения не становятся.

Термин «утопия» обладает таким набором потенциальных значений и подтекстов, что сводить его к какому-либо одному из них бессмысленно. Каждая научная дисциплина видит в утопии свое подобие, собственную тень, так сказать, свое альтер эго. Здесь происходит пересечение и взаимопроникновение психологии, социологии, литературы, политической мысли и прочих областей гуманитарного знания. Авторы важнейшего из трудов по утопии Фрэнк и Фрици Мэньюэл говорят о так называемой «склонности к утопии», формируемой вокруг семи основных «со звездий». По их мнению, «сердце утопической фантазии» – «миф о рае на земле». Де-

лая акцент на «плюрализме мнений», они подчеркивают «частичную обоснованность» многообразия подходов к теме без приоритета какого-либо одного из них [Manuel, Manuel, V: 1, 17, 21]. В опубликованном в 1987 г. лучшем обзоре утопизма позднего Нового времени К. Кумар также приходит к выводу, что «точное определение Утопии не принесло бы никакой практической пользы» [Kumar 1987: 32]. Таким образом, утопия остается «сущностно оспариваемым» понятием, однозначное раз и навсегда установленное определение которого невозможно.

Уходя от повседневных значений термина («идеальный», «невозможный»), нужно в первую очередь определить то, чем утопия не является или, скорее, к чему нельзя ее сводить (хотя частично компоненты следующих явлений можно обнаружить в художественных утопиях, устройстве коммун и в идеологических построениях). Так, во-первых, утопия не принадлежит исключительно литературной традиции. Во-вторых, утопия не ветвь теологии, несмотря на близость к утопии образов рая и идей Тысячелетнего царства. В-третьих, утопия – это не душевное состояние, чувство, импульс или принцип. Уточним, особенно это касается представлений Э. Блоха об

¹ Приведенная формулировка принадлежит Сардженту и основана на работе Мойлана “Demand the Impossible: Science Fiction and the Utopian Imagination” [Moylan]. В издание 2014 г. включены дополнения, сделанные Мойланом, комментарии нескольких исследователей к тексту и ответ Мойлана на них.

идеале «надежды» (см. [Bloch 1955–1959; Bloch 1986]), или психологической цельности, достигаемой преодолением отчуждения. Наконец, в-четвертых, утопия не является синонимом прогресса вообще или стремления сделать общество «лучше» (подробнее см. [Claeys: 145–173]).

Приведенные ограничения указывают на существующие разногласия, которые касаются даже самых распространенных определений утопии. Понимание утопии как «социальной мечты», впервые зафиксированное в 1886 г. в работах секуляриста Дж.У. Фута, также встречается и у более поздних авторов. Социолог Р. Левитас описывает утопию как «желание лучшего существования, лучшей жизни» [Levitas: 7]. Однако, по мнению Дж.К. Дэвиса, автора ключевой работы по британскому утопизму раннего Нового времени, «понятие “лучший” слишком неточно, неопределенно и субъективно, в связи с чем акцент на “мечте” имеет свои недостатки, потому что может указывать как на вымысленность, так и на нереальность или непрактичность». Вместо такого подхода Дэвис предлагает свое понимание утопии: «Утопический способ существования признает, что человек и природа не идеальны, и стремится взять их недостатки под контроль с помощью институтов управления и различных мер воздействия» [Davis: 13, 370]. Кумар близко подходит к этому очевидно

реалистическому описанию, утверждая, что «утопия – это секулярная разновидность общественной мысли. Это создание ренессансного гуманизма» [Kumar 1991: 35]. Сэтой точки зрения утопическое государство оказывается ближе к республиканской модели или парадигме, чем любое другое. Оно не всегда было ограничено идеей первородного греха, которая сдерживала устремления человека к улучшению общества на протяжении большей части истории христианского Запада. Формально и психологически в такой утопии есть черты «социальной мечты» в аспекте построения гипотез, мысленных экспериментов, проектирования и экстраполяции, представлений о воображаемом будущем и/или прогнозирования. Но, вероятно, полезнее будет ограничить «утопию» рамками менее фантастических форм жанра, так как она всегда представлялась чем-то потенциально воплощаемым, пусть даже в небольших масштабах, в условиях человеческой реальности. Не так важно, куда проецируется утопия – на далекие острова, потерянные цивилизации, галактики или подземелья. Гораздо важнее то, как описан новый социальный порядок, как он представлен и какие требования предъявляет к человеческой природе. Отдавая должное художественной утопии, «реалистическое» определение жанра, учитывающее указанные факторы, подчеркивает, что утопия –

вымышленное общество, маркируемое преобладанием некой формы усиления коммуникабельности, или, другими словами, повышенного чувства общности. Большинство таких утопий представляют собой социальные и политические трактаты, облеченные в форму художественного произведения, иногда с довольно слабым сюжетом. Зачастую в подобных трактатах рассматриваются идеи всеобщего равенства, хотя обычно оно совмещается с наличием какой-либо формы иерархии, например элективной. В такой утопии, как правило, владение имуществом либо ограничено, либо носит общественный характер. Общественная собственность на предприятия получила название «кооператив», а выражение «кооперативное содружество» стало распространенным определением утопических устремлений второй половины XIX в. Однако с середины века утопическая традиция также стала характеризоваться бóльшим вниманием к ценности индивидуальной личности.

«Реалистическое» толкование «утопии» особенно полезно, когда студенты, которые изучают утопизм, неизбежно сталкиваются с проблемами, относящимися ко всем трем областям¹ широкого понятия, и когда необходимы обобщения, применимые к идеологии, общественным движениям и

литературным текстам. Здесь проявляются дополнительные трудности, не очевидные в том случае, если фокусироваться исключительно на литературе.

Еще бóльшие трудности представляет определение понятия «дистопия». Иногда под этим термином понимается «плохое» или «более плохое» место. Некоторые романы-катастрофы, кажется, вполне вписываются в это определение, хотя для дистопии более характерен фокус на социальном и политическом содержании. Здесь возникают те же логические вопросы, что и в случае с определением утопии как «лучшего» места: более плохое – чем что? Хуже для кого? Нужно также отличать антиутопию как результат неудачной попытки создать утопию от дистопии как продукта существующих социальных, политических и экономических тенденций. В обоих случаях, тем не менее, дистопическое развитие событий может быть выгодно определенной группе людей. Таким образом, несколько более точным представляется определение дистопии как «утопии, которая пошла не по плану, утопии, которая является таковой только для определенного сегмента общества» [Gordin, Tilley, Prakash: 1]. В таком случае закономерным становится изображение ситуаций, когда то, что является утопией для одного человека, для другого становится

¹ В терминологии Сарджента – «граням».

дистопией. (Для крайних индивидуалистов, таких как анархист У. Годвин, любая группа – дистопия). Полезно будет подчеркнуть, что многие дистопии можно рассматривать как «изображение таких обществ, в которых индивидуальные личности отчуждены друг от друга и разрушают «общество», подрывая институты взаимной поддержки» [Claeys: 156]. Можно сказать, что дистопия демонстрирует контраст между разобщенностью и усиленной общественной коммуникацией. В Новое время корни разобщенности обычно находят в неукротимом росте технологий, крайней степени социального и политического коллективизма или в некоем сочетании того и другого (Хаксли, Оруэлл). Однако и здесь есть исключения, притом как в обществах, так и в литературных утопиях (например, в тех, на которые повлиял Герберт Спенсер). Для таких исключений характерно стремление к максимальной индивидуализации, однако она понимается не как причина разобщенности, а, наоборот, как фактор, способствующий единству общества. Следует сказать о том, что сценарии дистопического развития событий варьируются от крайнего застоя и отсутствия прогресса до ужасающего насильно навязанного обществу деспотизма и последующего распространения страха и разобщенности. Кроме того, один и тот же текст может последовательно представлять собой то дистопию, то утопию. Обычно это характерно для текстов, изображающих

свержение деспотического режима в результате революции. Однако новый порядок может оказаться не менее далеким от идеала. Очевидно, что почти любая утопия раннего Нового времени (в том числе произведение Т. Мора), с точки зрения современных читателей, является дистопией: спартанские условия, пуританское предписание допустимых развлечений, одежды и т. д., ограничения в религиозных и других частных вопросах и / или стремление к тотальному надзору.

Понятия «критическая утопия» и более позднее «критическая дистопия» были предложены для описания тенденций в литературных утопиях начиная с 1970-х гг. Критическую дистопию противопоставляют «классической дистопии», в частности, имея в виду произведения, в которых изначально, в самом тексте, не дается никакой «надежды», например, на свержение деспотического режима. Несмотря на существование более-менее пессимистичных текстов, мало к каким из них (а то и вообще ни к одному) применимо такое определение. Предположение, что «надежда» – это то качество, которое должно быть приоритетным в текстах, а следовательно, что «аутентичные» утопии предпочтительнее других своих форм, подразумевает сомнительный нравственный эссенциализм. Не менее сомнительна мысль о том, что утопические произведения стали лучше, перейдя от «схем» к «мечтам». Применимость таких категорий к большому числу

ранних произведений жанра зависела бы от некой концепции измеримости утопических / дистопических качеств текста. Кроме того, эти категории предполагают такое прочтение, которое игнорирует авторские интенции и большую часть исторического контекста в придачу.

Такая неопределенность терминологии привела к абсолютно противоположным прочтениям «Утопии» Томаса Мора: спустя пятьсот лет после написания книга прочитывается и как серьезное предложение общественного переустройства, и как сатира, и просто как шутливая выдумка Мора, предназначенная для друзей. Тот факт, что Мор противился переводу книги на английский, предполагает, что он сам считал ее потенциально разрушительной¹, однако же публикации нескольких изданий на латинском языке Мор содействовал.

Разные толкования основополагающих текстов жанра отражены в разногласиях современных исследователей по поводу того, что понимать под утопией и утопизмом. По этой причине правильнее всего будет считать утопию и утопизм «сущностно оспариваемыми понятиями», то есть такими, которые трактуются не просто различно, но

порой совершенно противоположно. Корень разногласий кроется в самом слове «утопия», быстро вошедшем в другие европейские, а затем и неевропейские языки. Изначально слово означало 'выдуманное место', потом жанр литературы, который через единство «отсутствия места» и «хорошего места» описывал несуществующее хорошее общество. Однако со временем слово стало использоваться для обозначения и других явлений. Философ Лешек Колаковский охарактеризовал сложившуюся ситуацию так: слово, которое «изначально было искусственно составленным именем собственным, приобрело за последние два столетия такой широкий диапазон смыслов, что стало обозначать не только литературный жанр, но и способ мышления, ментальность, философскую позицию, и используется сегодня для описания культурных феноменов, берущих начало в античности» [Kolakowski: 131–132].

В результате, в то время как литературный жанр является наиболее известным из проявлений утопизма, к их числу также относят идейные общины (нейтральное название явления, более известного как коммуны и ранее называвшегося утопическими сообществами или утопическими экспериментами)² и утопическую социальную теорию.

¹ Книга впервые была переведена на английский зятем Мора в 1551 г. после казни автора (в 1535 г.).

² В принятом значении, идейная община – это группа из пяти и более взрослых и их детей, если таковые имеются, при этом взрослые происходят из разных семей и проживают вместе с целью укрепления разделяемых ими ценностей или с другой взаимно оговоренной целью. Термин широко использовался в начале 1940-х гг. Приведенное определение предложено Сарджентом [Sargent: 15].

Слова живут своей собственной жизнью, и «утопия», а также многие другие термины теперь обозначают явления, существовавшие задолго до появления их самих. Сегодня, например, принято говорить о древнегреческих, древнекитайских, египетских, индийских, ранних иудейских и христианских утопиях. Кроме того, первыми идейными общинами принято считать индийские ашрамы, появившиеся около 1500 г. до н. э. Подобные сообщества создавались в Африке, Японии, Израиле и многих других странах во всем мире. В США в их число входили сообщества бывших рабов. Тем не менее относительно того, что считать утопией или идейной общиной, идут непрекращающиеся споры.

Что касается литературной утопии, то можно выделить три основных ее разновидности, или типа. Первую называют «утопия побега» [Mumford: 15], «утопия чувственного удовлетворения» или «телесная утопия» [Sargent: 4]. Второй тип – «утопия реконструкции» [Mumford: 15], «утопия человеческого замысла» или «городская утопия» [Sargent: 4]. Некоторые исследователи ограничивают весь жанр утопии рамками этого типа (см. [Davis: 19]). Третий тип – дистопия. Первые два типа отражают различные способы выражения утопического импульса – тенденции мечтать или представлять лучшую жизнь, даже если настоящая нас вполне устраивает. Третий

тип отражает страх того, что жизнь может стать намного хуже.

Помимо литературы, представления о возможности значительного улучшения или, наоборот, разительного ухудшения положения дел также играют важную роль в общественной мысли.

Первые известные эвтопии – мифы о прошлом человечества или о загробной жизни, т. е. о предполагаемом времени, когда жить было / будет проще и приятнее. Время и место такой жизни может называться по-разному – Золотой век, Аркадия, рай на земле или Острова блаженных. Их населяют наши древнейшие предки, герои и очень редко героини, добродетельные умершие, иногда «благородные дикари» (более современные и менее известные). Для всех эвтопий такого рода характерны общие черты: простота, безопасность, бессмертие или легкая смерть, единство людей между собой и с Богом или богами, изобилие без необходимости трудиться, отсутствие вражды человека с животными. Если в эвтопии есть женщины (часто их нет), то они избавлены от родовых мук. Такие эвтопии достигаются без человеческих усилий и описываются как дар природы или богов. Это простейшее выражение желания лучшей жизни, и подобные истории можно обнаружить в каждой культуре. Отсюда вытекает следующее: утопии – это не явление исключительно христианского Запада,

как утверждает К. Кумар [Kumar 1987: 2–3]. Как уже отмечалось выше, существовали и раннеиудейские утопии, древние традиции утопии на Среднем Востоке, в Китае, Индии и Японии¹.

Однако люди не любят полагаться на природу или богов. Первый шаг к независимости – проецирование эвтопических идей на земное будущее вместо загробной жизни. Второй шаг – появление таких празднеств как Сатурналии, Праздник дураков, карнавал, когда мир на несколько дней переворачивался с ног на голову и бедные могли познать изобилие и богатство. Третий шаг – «Страна лентяев» («Страна молочных рек и кисельных берегов»), которую еще называют «крестьянской утопией», и ее разновидности, в которых описывается утопия постоянного чувственного удовлетворения, достижимая для некоторых после совершения почти невероятных обрядов перехода.

Четвертый и самый важный шаг – представление о том, что каждый аспект общественного порядка подвластен человеческому контролю. Отсюда берет начало утопия человеческого замысла, обычно воплощаемая в образе вымышленного города.

Существует множество возможных историй утопии. Приведенный нами

краткий обзор представляет исключительно историю западноевропейской утопии; помимо историй утопии в других культурах существуют еще альтернативные версии этой, Западной утопической традиции (см. [Manuel, Manuel; Kumar 1987; Schaer, Claeys, Sargent]).

Утопии и то, как они изменяются со временем, являются результатом и одновременно отображением сдвигов парадигмы самовосприятия культуры. Иногда роль утопии или нескольких утопий в процессе сдвига можно обозначить довольно точно, но сдвиги происходят неравномерно, поэтому утопии могут отражать разные их этапы, включая контрреакции на них. Можно выделить четыре основных исторических этапа эволюции утопии. Первый – религиозный радикализм XVI–XVII вв., породивший разнообразные эгалитарные варианты утопий, в которых приоритет получила идея общинной собственности, связанная со спартанскими идеалами и христианским монашеством. Отсюда в XIX в. возьмет начало социализм.

Второй этап – путешествия и открытия начиная с XVI в., ставшие поводом для горячих споров относительно пороков и добродетелей примитивных народов, их связи с языческими и христианскими традициями, а также озабоченности обществ

¹ Ознакомиться с этими традициями можно в работах [Dutton: 223258; Dutton, Sargent; Longxi: 207–229].

тем, что растущее благосостояние угрожает им нравственным упадком.

Третий этап – научные открытия и технологические инновации XVII и последующих веков, обещавшие человечеству бесконечный прогресс, крепкое здоровье, более долгую жизнь, а также приоритетный интерес к природе в человеческой деятельности. В конце XIX – начале XX вв. развилась научная фантастика как особый жанр, выражающий и надежды, и страхи эпохи. Современная дистопия кристаллизует растущую тревогу, сопровождающую продолжающийся марш прогресса.

Наконец, во второй половине XVIII в. устремления человечества к большему социальному равенству вылились в революционные движения в Северной Америке и Франции, и утопические обещания лучшей жизни, равенства и социальной справедливости «перешли» на национальный уровень. В это же время, после 1848 г., произошла трансформация социализма. Ранний социализм, в последнее время все чаще называемый предложенным Марксом и Энгельсом уничижительным термином «утопический социализм», в основном представлял собой маломасштабный коммунитаризм. Теперь же его сменила идея централизованного государственного социализма. Маломасштабный коммунитаризм

нашел отражение в создании множества идейных общин, иногда их появление было связано с формированием государств, а иногда – с движениями за социальные реформы (например, коммуны хиппи в 1960-х гг.). Многие из таких общин продолжают существовать. Роман “Walden Two” Б.Ф. Скиннера является важным литературным отражением того времени. Такие сообщества, как и неиссякающий поток утопической литературы, становятся моделями совершенствования общества и человека, позволяющими найти путь для движения вперед и обнаружить возможные опасности на этом пути.

С конца 1920-х до конца 1950-х гг. многие теоретики с различных точек зрения рассматривали утопию и утопизм, тем самым способствуя усилению разногласий по поводу этих явлений. Упомянем только четверых из них. В 1929 г. Карл Маннгейм опубликовал на немецком книгу «Идеология и утопия» [Mannheim 1929], а в 1936 г. вышла значительно отличающаяся версия этой книги на английском, с подзаголовком «Введение в социологию знания» [Mannheim 1936]. Маннгейм рассматривает идеологию, и утопию как способы понимания мира различными группами людей. «Идеология» – не менее спорное понятие, чем «утопия», и их сопоставление привело к длительным спорам. Книга Маннгейма легла в основу работы французского философа

Поля Рикёра 1986 г. «Лекции по идеологии и утопии» [Ricoeur], во многом превзошедшей первоисточник.

В 1945 г. политолог Карл Поппер опубликовал работу «Открытое общество и его враги», в которой утверждал, что так как утопии изображают идеальное общество, а идеал является недостижимым, то утопизм неизбежно приводит к тоталитаризму и насилию как средствам насаждения утопии [Popper]. Многие согласились с Поппером, однако такой взгляд на утопии и утопизм – результат неверного их понимания. Авторы утопий, включая тех, чьи работы рассматривал Поппер, редко изображают идеальные общества, чаще – такие, которые значительно лучше тех, в которых жили авторы.

В 1950-х гг. теолог Пауль Тиллих опубликовал ряд статей о значении утопии в христианской теологии¹. Статьи были приняты неоднозначно и среди христианских теологов вызвали продолжительную полемику.

С 1955 по 1959 гг. философ-марксист Эрнст Блох опубликовал три тома своей книги «Принцип надежды», впервые вышедшей на английском в 1986 г. [Bloch 1955–1959]. Работа Блоха оказала влияние на многих теоретиков утопии, в особенности Дарко Сувина

и Фредерика Джеймисона, которые больше писали о научной фантастике.

В 1989 г. падение Берлинской стены и последующий коллапс советского коммунизма в 1990-х гг. стали поводом для новых дискуссий об утопических составляющих марксизма и их возможной связи с дистопическим тоталитаризмом. Однако новые экономические и социальные кризисы капитализма, особенно после 2008 г., возродили критику существующих форм общества, в частности вдохновенную Марксом. Подобные споры не утихают и сегодня.

Перевод с англ. Тамары Приходько

References

- Bloch, E. (1955–1959). *Das Prinzip Hoffnung*, 3 vols. Berlin: Aufbau-Verlag.
- Bloch, E. (1986). *The Principle of Hope*. 3 vols., trans. N. Plaice, S. Plaice, and P. Knight. Oxford: Basil Blackwell.
- Budakov, V.M. (2010). Dystopia: An Earlier Eighteenth-Century Use. *Notes and Queries* 57.1.
- Claeys, G. (2013). News from Somewhere: Enhanced Sociability and the Composite Definition of Utopia and Dystopia. *History*, 98.
- Davis, J.C. (1981). *Utopia and the Ideal Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

¹ Наиболее известные эссе, переведенные на английский язык – [Tillich 1967, 1973: 296–309] (перевод “Kritik und Rechtfertigung der Utopie” 1951 г.) и [Tillich 1971: 125–180].

Gordin, M.D., Tilley, H., & Prakash, C. (Eds.) (2010). *Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kolakowski, L. (1990). The Death of Utopia Reconsidered. In *Modernity of Endless Trial*. Chicago: University of Chicago Press.

Kumar, K. (1987). *Utopia and Anti-Utopia in Modern Times*. Oxford: Basil Blackwell.

Kumar, K. (1991). *Utopianism*. Milton Keynes: Open University Press.

Levitas, R. (1990). *The Concept of Utopia*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Mannheim, K. (1929). *Ideologie und Utopie*. Bonn, Germany: Cohen.

Mannheim, K. (1936). *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. Trans. L. Wirth, E. Shils. New York: Harcourt, Brace.

Manuel, F. & Manuel, F. (1979). *Utopian Thought in the Western World*. Oxford: Basil Blackwell.

Moylan, T. (1986, 2014). *Demand the Impossible: Science Fiction and the Utopian Imagination*.

In R. Baccolini (Ed.). London: Methuen, 1986; repr., Oxford: Peter Lang.

Mumford, L. (1923). *The Story of Utopias*. London: George G. Harrap.

Popper, K. (1945). *The Open Society and Its Enemies*. London: Routledge.

Ricoeur, P. (1986). *Lectures on Ideology and Utopia*. Ed. George H. Taylor. New York: Columbia University Press.

Sargent, L.T. (1994). The Three Faces of Utopianism Revisited. *Utopian Studies* 5.1.

Schaer, R., Claeys, G., & Sargent, L.T. (Eds.) (2000). *Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World*. New York: New York Public Library / Oxford University Press.

Tillich, P. (1967, 1973). Critique and Justification of Utopia. In F.E. Manuel (Ed.) *Utopias and Utopian Thought*. Boston: Beacon Press; repr., London: Souvenir Press.

Tillich, P. (1971). The Political Meaning of Utopia. In W.J. Crout, W. Bense, J.L. Adams (Trans.) *Political Expectation*. New York: Harper & Row.

Younge, H.L. (1747). *Utopia: Or, Apollo's Golden Days*. Dublin: George Faulkner.

UTOPIA AND UTOPISM: HISTORY OF THE CONCEPTS' UNDERSTANDING

Gregory Claeys, Professor of the History of Political Thought at Royal Holloway, University of London (UK); email: G.Claeys@rhul.ac.uk.

Abstract. The article distinguishes the concepts of “utopia” and “utopism”, specifies widely used definitions of subgenres of utopia (eutopia, dystopia, and critical utopia). However, the article argues the impossibility of a generally accepted definition, since the term “utopia” has such a set of potential meanings and subtexts that it is pointless to reduce it to any one of them. Psychology, sociology, literature, political thought, and other fields of knowledge consider utopia in the particular similarities to themselves.

The article also reviews the most spread manifestations of utopism (in literary forms, ideological communities, social theory) and provides a brief overview of the history of Western European utopia. The specificity of utopia changes in time is considered as the result and at the same time the reflection of paradigm shifts of culture self-perception.

In addition, the article presents the main polemical points of view on utopia and utopism, which contributed to the strengthening of disagreements over these phenomena in the mid-twentieth century (represented by ideas of K. Mannheim, K. Popper, P. Tillich, E. Bloch).

Key words: utopia, utopism, eutopia, dystopia, critical utopia.

